

Фархад Карагусов,

главный научный сотрудник НИИ частного права Каспийского университета
член Международной академии сравнительного права (IACL),
доктор юридических наук, профессор

К 70-летию со дня рождения адвоката Александра Розенцвайга

В октябре этого года исполняется 70 лет со дня рождения выдающегося казахстанского адвоката Александра Владимировича Розенцвайга, известного своим профессиональным именем далеко за пределами нашей страны.

Это было бы радостное и шумное празднество с участием многих друзей, коллег, учеников, спасенных им хороших людей, тех, кому он помог сохранить доброе имя...

Но мы отметим этот день лишь с тихой грустью и светлыми воспоминаниями, потому что волей судьбы он не дожил до этого дня, стремительно уйдя из жизни от COVID-19 в начале августа 2021 года.

В его уход до сих пор невозможно поверить.

Мы дома все еще вздрагиваем от звонков по телефону («дядя Шура звонит!»), потому что на домашний номер всегда звонили только Розенцвайг и наша мама (теперь только мама, и лишь бы еще много лет она звонила нам поболтать и поделиться новостями).

Еще за полторы суток до его кончины мы поговорили с ним по телефону: мне показалось, что он куда-то спешил, выслушал мое сообщение в ответ на его просьбу выяснить по одному вопросу, сказал, что все понял, решит на днях относительно выбранного им варианта и свяжется со мной, пообещал созвониться очень скоро. Это было вечером, а через день довольно рано утром позвонил Владимир Юрьевич Басин и сказал, что дядя Шура в тяжелом состоянии госпитализирован, и надо что-то предпринимать для того, чтобы он восстановился. Очень многие его друзья и коллеги пытались что-то сделать в условиях, когда даже врачи не все могли, и еще через сутки мы узнали о его стремительном уходе из жизни.

Эта пара суток так четко сохраняется в памяти вместе с ощущением нереальности и боли. И уже который год мы подсознательно ждем встреч и общения с Александром Розенцвайгом, скучая по нему и так часто нуждаясь в его советах, в его помощи понять какую-то ситуацию, найти наилучшее решение ее разрешения, просто послушать так много интересного о жизни и нашей профессии.

Мы познакомились с Александром Владимировичем Розенцвайгом в 1998 году, вместе оказавшись в коллективе юристов алматинского офиса международной юридической фирмы Coudert Brothers. С первого же нашего разговора мы как-то прониклись друг к другу симпатией и доверием (два человека с тяжелым характером). И именно тогда, узнав, что его

школьного друга и многолетнего нашего соседа по дому я с малолетства называл дядей Надимом, Розенцвайг сказал: «меня тоже называй дядей».

Так и пошло: такое обращение к нему каким-то волшебным образом превратилось в то, что дядя Шура стал близким человеком, настоящим другом (во многих ситуациях – покровителем и добрым ангелом) для всей моей семьи, не только для нас с моей прекрасной супругой и детьми, но и для моей мамы и родителей супруги, моего брата и сестренки. С этого имени и у некоторых из наших общих друзей сложилось обращение к нему, как к дяде Саше или дяде Шуре.

Это родственное и исключительное отношение А. Розенцвайга ощущалось всегда. И (как и по отношению к каждому члену семьи или близкому человеку) одновременно с испытываемой радостью, счастьем общения с ним я всегда чувствовал жизненную важность не расстроить его, не разочаровать в себе, не утратить его доверия к себе. Это во многом было обусловлено и тем, что дядя Шура, который никогда не позволял себе делить и разделять людей, неизменно выставлял четкие рамки допустимой степени доверительности человеческих отношений и уровня обязательств перед людьми в зависимости от того, насколько близко он подпускал к себе того или иного человека. Были просто знакомые, клиенты, партнёры, а были друзья и «родня».

Вот друзья и «родня» вправе были ожидать от тебя определённого поведения и поддержки практически во всех жизненных ситуациях. И когда он мне говорил даже о незнакомом мне человеке, что «он – родня», я знал, что этот новый для меня знакомый заслуживает того, чтобы ему довериться и получить ту поддержку или просто то отношение, о которых дядя Шура просил его для меня. Я это и знаю, потому что так было всегда. Некоторые из названных им родней - сегодня мои прекрасные друзья.

Кто-то считает, что у Розенцвайга был сложный характер. Но я думаю, что он просто был сложной натурой (в том смысле, что он был так далек от примитивности, банальности и пошлости). Он был очень духовным и образованным человеком, он был принципиально добрым и великодушным, добросовестным и ответственным как в межличностных отношениях, так и при осуществлении своего профессионального адвокатского долга. При этом он был очень ранимым, тяжело переживая то, что в какой-то персоне не разглядел чего-то, что проявилось позже нелицеприятным образом, обманулся в своих ожиданиях от того, кого допустил к профессиональному сотрудничеству или общению с собой на близком межличностном уровне. Очень тяжело переживал неверность людей, их непорядочность и душевную нечистоплотность; искренне и глубоко переживал за друзей, за «родню» (и не только переживал: когда надо, всегда вставал на их защиту, был рядом).

Сам же был образцом человеческой честности и профессиональной чести. За столько лет дружбы и общения, я так и не узнал ничего о его

клиентах, доверителях, а тем более об обстоятельствах дел, в которых он участвовал в качестве адвоката, защитника, поверенного. Я все время от него только и слышал: «работаю», «закончил дело, доволен», «как было непросто, но справились». И ни одного имени, ни одного факта, ни одной оценки какой-то доверившейся ему персоны! Даже, когда я направлял к нему своих знакомых, нуждавшихся в его профессиональных услугах, я ничего никогда не слышал от него о том, связались ли они, по какому вопросу, как сложилось и к чему привело их взаимодействие (если что-то и узнавал об этом, то именно от моих знакомых, которым рекомендовал адвоката А.В. Розенцвайга, но не от него самого).

Практически вся его профессиональная жизнь, достижения и наработанный опыт связаны с адвокатской деятельностью. Но именно ввиду такого его безупречного следования адвокатской этике и соблюдению интересов своих доверителей, клиентов, у меня нет никакой возможности хоть что-то сказать о том конкретном вкладе в технику составления документов и выступлений в суде, в инструментарий защиты прав участников судебного процесса, в методологию работы адвокатов.

Но дядя Шура нередко обсуждал со мной теоретические вопросы как из области гражданского права, так и других отраслей законодательства. Причем его широкий кругозор и солидная теоретическая подготовка позволяла ему находить эффективные опоры для выстраивания позиции, но он выверял эти позиции с теми, кому доверял в качестве соответствующей научной компетенции. Он всегда за чем-то подчеркивал, что он специалист в области публичного права и судебного процесса, но не цивилист, поэтому ему нужно какой-то теоретический вопрос обсудить со мной.

Одно из таких обсуждений вылилось в опубликование нашей с ним совместной статьи относительно применения норм ГК о недействительных сделках (см. *Карагусов Ф., Розенцвайг А.В. Проблемы практики признания сделок недействительными (на примере одного спора).* / Алматы: Юрист, №6, июнь 2005, С. 37-44), при написании которой дядя Шура явно проявил четкое понимание норм нашего Гражданского кодекса о делении недействительных сделок на оспоримые и ничтожные, а также мы смогли предложить какие-то выводы по толкованию и совершенствованию норм ГК, которые позже стали нашей правовой реальностью (например, о целесообразности перевести крупные сделки акционерных обществ, заключенные в нарушение предусмотренного для в законе порядка, из категории ничтожных в категорию оспоримых).

Примечательно, что свое понимание о природе и классификации недействительных сделок Александр Розенцвайг выстроил на основе анализа первоначальной (и в том момент действовавшей) редакции соответствующих положений ГК о сделках, так гениально и просто сформулированных, по словам академика Майдана Кунтуаровича Сулейменова, нашим учителем профессором Юрием Григорьевичем

Басиным. И в связи с этим совершенно непонятно, зачем через более чем 10 лет (в 2017 году) потребовалось нарушать эту стройность и ясность содержания Гражданского кодекса именно законодательным закреплением понятий «ничтожная» и «оспоримая» сделка, менять терминологию закона (дискуссии на эту тему можно найти в материалах Цивилистических чтений «Недействительные сделки в гражданском праве» / Отв. ред. М.К. Сулейменов, - НИИ частного права, 2017 г. – 744 с.). Обсуждая с дядей Шурой произошедшие уже в 2017 году соответствующие изменения в Гражданском кодексе, мы согласились в том, что целесообразности в таких законодательных изменениях было немного, а особенного положительного влияния именно на судебную практику также не усматривается. Но это уже, как говорится, другая история.

Когда дядя Шура так неожиданно ушел из жизни, наши коллеги предложили издать посвященную ему книгу с воспоминаниями. Но в тот момент я ничего не мог написать: слишком было тяжело (да и сейчас ненамного легче). А еще было сложно (как и сейчас) предложить к опубликованию очень много воспоминаний, потому что они являются для нас очень личными, и они останутся при мне, и многое мы сможем вспомнить только с Шуриной «родней», с теми, кого он искренне и безусловно любил, и кто, смею так полагать, отвечали ему такой же родственной верностью и любовью.

И сейчас в вышеизложенном тексте я смог выразиться только общим образом. Большого не могу. Однако же цельный образ Александра Розенцвайга, великого человека и выдающегося адвоката, остается в памяти неизменным, он стоит перед глазами, слышится его голос, его смех... Его мне не хватает очень сильно. Но как же помогают воспоминания о нем, его личностные моральные позиции, а также примеры профессионального поведения и человеческой реакции на разные жизненные обстоятельства!

Я Вас помню всегда, дядя Шура! И благодарен судьбе за то, что Вы мне всегда были дядей! Земля Вам пухом, и светлая память навсегда!

3 октября 2024 года